

ГЛАВА 1. РАЗГИЛЬДЯЙ ПРЕМИУМ-КЛАССА

Скверно, если твоя машина вдруг ни с того ни с сего взрывается. Хуже этого только одно: если она взрывается именно в тот момент, когда ты в ней находишься.

Судьба — или дурная случайность? — выбрала для меня еще не самый скверный вариант. Я находился не внутри, а в стороне, поэтому меня не убил на месте, а только швырнуло вперед, впечатав лицом в осклизлый древесный ствол. Сзади налетел воздушный кулак, что-то крупное по-разбойничьи свистнуло над самым ухом, но ни один осколок меня не задел. Я просто остался без машины. Один. С расквашенным носом и перемазанным зеленой слизью лицом.

Хорошо, что у здешних деревьев толстая и мягкая кора...

Я потерял нос, невнятно выругался и оглянулся на то, что осталось от моей «бабочки». Осталось в общем довольно много, сильнее всего пострадала кабина, потому что как раз под ней помещался аккумулятор, который, собственно, и рванул. А без питания, как известно, не заработает ни двигатель, ни антиграф. Не умеют они работать без питания, вот в чем штука... И теперь искалеченная машина не висела над слоем гниющего валежника, как ей полагалось, а ушла в него больше чем наполовину и, кажется, намеревалась провалиться еще глубже. Когда начнется прилив, она утонет просто и без затей.

Хотя нет — раньше.

Дерьмо эти новые аккумуляторы. Да-да, я все знаю: они легкие и емкие, энергии в них хватает минимум на сутки активного полета, реклама не

врала, — но это уже третий известный мне случай взрыва. И главное, ни с того ни с сего.

Случись такое на Земле, я погнал бы такую волну, что «Глобал электрик» была бы рада откупиться, не доводя дело до суда. Но здесь?.. Где мои свидетели? Где записанные независимо от меня показания приборов, неопровержимо доказывающие, что изделие эксплуатировалось в допустимых режимах и допустимых же природных условиях? Увы, не наблюдается ни того ни другого. Жив остался — вот и вся моя выгода, она же награда. Радуйся.

Раднешься?

Ну, в какой-то мере, в какой-то мере...

На Земле, отклеив физиономию от дерева, я мог бы еще допустить — чисто теоретически, — что мою малютку грохнули каким-нибудь оружием. Но то на Земле, а не на Реплике. Местные формы жизни никогда не разовьются до такой степени, чтобы выдумать специальное оружие для уничтожения летающих машин. Времени у них не хватит отрастить мозги.

До лагеря было не так уж далеко, километров шесть по прямой. Но два из них мне предстояло пройти по здешнему лесу. Опасно? Не очень. Но и не сказать чтобы совсем безопасно. И уж наверняка крайне утомительно.

Два километра по той несусветной дряни, что называется здесь лесом за отсутствием на Реплике привычных землянину лесов... Если повезет, то часа за три доберусь до твердой почвы.

Леса-водоемы, вот что это такое. Как утверждают биологи (и геологи с ними согласны) — почти точная копия тех верхнедевонских или нижнекарбоновых зарослей, какие существовали у нас на Земле в то время, когда до первого динозавра еще оставалось двести миллионов лет. Тем эти мокрые заросли и интересны биологам. Но здесь динозавров не будет...

Ветер дул с моря. До начала прилива оставалось около двух часов, и мешкать не стоило. Я с неодобрением посмотрел на крупную бледную луну, чей серп напомнил мне сейчас лезвие бердыша, стряхнул с рукава черно-красную пиявку, наметил направление и двинулся в путь. С одного поваленного ствола на другой, с другого — на третий... Здоровенные стволы с толстой, вечно покрытой склизкой гадостью зеленой корой торчали там и сям среди завалов мертвой древесины, прорастали откуда-то снизу из никогда не покидающей эти леса солоноватой воды, пробивались наружу, торчали и жили в свое удовольствие. На другой планете спустя сотню-другую миллионов лет в этом месте образовался бы неслабый каменноугольный бассейн. Но не здесь. Здесь — не успеет.

Потому что местное солнце уже понемногу превращается в красный гигант. Процесс этот нетороплив, но неуклонен. Через пятьдесят миллионов лет на

планете не останется ничего живого, а еще спустя такой же срок выкипят и океаны. Дальше других продержатся термоустойчивые глубинные бактерии, но в конце концов сварятся и они. Мир без перспектив — и уж конечно, без понимания, что ее нет. Мир, где жизни местами нет вообще, а кое-где она так и прет сдуру.

Не повезло планете...

Глупый в общем-то мир. Интересный лишь тем, что очень уж он оказался похожим на палеозойскую Землю...

И силой тяжести.

И плотностью атмосферы.

И ее составом — с поправкой на девонский период.

И наклоном орбиты.

И средним уровнем инсоляции.

И крупным — даже более крупным, чем наша Луна, — спутником.

Ну и жизнью, конечно. Недаром в нашей экспедиции из шестнадцати ученых всего три геолога, причем один из них гидролог, а биологов аж целых восемь! Им тут непочатый край. Прилечь некогда. Цокают языками, тарачат глаза, как ночные лемуры, и аж повизгивают от восторга.

Роб Тернер, открывший этот мир буйной и мокрой жизни, пришел в неописуемый восторг и без особого взлета фантазии окрестил планету Палеонией, но название не прижилось. Зато после того как по причине взрыва Бетельгейзе траектории субпространственных каналов в этом секторе Галактики исказились до неузнаваемости и ни один звездолет не мог пробиться сюда в течение двадцати лет, то есть ровно столько же времени, сколько мечтал о доме Одиссей, планету стали называть Итакой. Некоторые земляне, живущие в убогих городишках с тем же названием, аж возгордились. Еще позднее планету переименовали в Реплику — в смысле, копию Земли, созданную, вестимо, позднее оригинала по уже имеющемуся образцу. Не такое уж плохое имечко. Хотя, по-моему, какую кличку планете ни дай, лучше или хуже она от того не станет.

За десять минут я одолел метров сто. Уже хотелось отдышаться. Дрянной желтый стручок, торчавший прямо из зеленого ствола, вдруг взорвался с негромким хлопком, выбросив сизое облако спор. Я чихнул и мысленно высказал пару ласковых в адрес палеозоя. Скользко. Жарко. Влажно. Кислорода в атмосфере хватает, а дышать все равно трудно. Солнце жарит, пот ест глаза. Стоило бы назвать планету Сауной. А тут еще допотопной флоре приспичило размножаться, как будто в этом есть великий смысл...

Врать не стану: геологу на Реплике тоже интересно, пусть даже интерес этот чисто академический. Никогда тут не возникнут поселения вокруг

шахт и рудных карьеров, потому что колонизировать эту планету никто не станет. Здесь пока не найдены уникальные месторождения, ради которых можно было бы решить, что игра стоит свеч. Богатые ценным сырьем планеты есть и поближе. Да, найти кислородный мир — редкая удача, но много ли с него толку, если это обреченный мир? Он нам не нужен. Человечеству хочется продолжить себя в вечность, а не на какие-то жалкие миллионы лет. От скромности мы не умрем.

Здоровенное — с ворону — насекомое басовито прожужжало над самым ухом; с древесного ствола на него прыгнул, растопырив мохнатые лапы, полосатый паук. Промаяхнул. Насекомое умчалось. Что-то внятно хлюпнуло внизу, под слоем мертвой древесины — примитивная жизнь кишела и там. По осклизлому бурелому я выбрался на то, что условно назвал поляной (древесные стволы торчали здесь пореже), еще раз сопоставил скорость моего движения с расстоянием до края леса, вздохнул и пустил сигнальную ракету.

Единственную.

В индивидуальном аварийном комплекте только одна и есть. Знаю-знаю: в одиночку вообще не положено удаляться от лагеря за пределы прямой видимости. Но если твой друг внезапно заболел, а ему позарез нужно расставить по этому гнилому лесоболоту ловушки на мелкую фауну, то как не нарушить инструкцию? Все нарушают. Вот только аккумуляторы взрываются не у всех...

Ракета пошла как надо: сначала с жутким свистом взвилась на тысячу метров, оставляя за собой коричневый, фосфоресцирующий в темноте — жаль, сейчас не ночь — след, и в верхней точке грохнула так, что я не зря заранее зажал уши. Наверное, в радиусе трех километров все пауки попрыгали с деревьев от испуга. Там и сям зашевелился валежник — очевидно, грохот не сильно понравился затаившимся в мокрых берлогах местным земноводным гадам — вчерашним рыбам, завтрашним саламандрам. Вообще-то почти все эти твари из породы «ни рыба ни мясо» считаются неопасными, мелковаты они, чтобы одолеть человека, но кто может знать, чем кончится дело, если эта безмозглая дрянь по-бульдожьки цапнет тебя за лодыжку? Не заражением ли крови?

Словом, ракета пошла — и ушла, и жажнула, и оставила за собой след, уже понемногу поплывший вглубь материка под несильным бризом с моря... По идее мне осталось только ждать, когда кто-нибудь прилетит и заберет меня из этого земноводного «рая». Ага, как же!..

Совсем не факт, что мои друзья-коллеги увидят и услышат мою ракету, — это я знал прекрасно. Половина людей в разгоне, каждый добывает

свое, а вторая половина описывает и систематизирует находки, то и дело ломая головы над какой-нибудь очередной загадкой природы — чаще всего без особого успеха. Они ругают этот мир за то, что слишком уж он похож на верхнедевонскую Землю, а все равно находят что-нибудь необъяснимое... А кто-то непременно занят бытовыми надобностями экспедиции, ему тоже нет интереса смотреть в небо и держать уши открытыми... Короче говоря, я понимал, что, пуская ракету, несколько увеличиваю свои шансы, но не более того. Шансы — это еще далеко не определенность, а я всегда считал себя реалистом, от беспочвенных фантазеров меня мутит.

Средних размеров — в руку длиной — многоножка, вся в мелькании лапок-жгутиков, шустро вытекла из валежника и замерла передо мной, подняв переднюю часть туловища, как кобра. Жвалы ее мне не понравились. Я от души пнул тварь ногой, заставив ее совершить небольшой полет. Шмякнувшись о древесный ствол, многоножка предпочла унести ноги. Это правильно. Даже без оружия я все-таки ощущал здесь себя царем природы. Особенно в отлив. Нет, во время прилива я никакой не царь, меня запросто свергнет с престола и сожрет любой крупный хищник из тех, что заходят сюда с моря подкормиться мелочовкой... но я не собирался ждать прилива. Успею уйти от него, не успею — идти все равно надо. Планида моя такая. Если в лагере видели ракету, меня отыщут. А если не видели, то сидеть на месте и вовсе глупо.

Жаль только, что мой радиомаячок остался в «бабочке». И зачем я, идиот, выложил его из кармана? Мешал он мне? Не говоря уже о рации, оставшейся там же. Или я не знал, что инструкции по поведению на иных планетах напоминают военные уставы именно тем, что оба вида этой литературы, фигурально выражаясь, написаны кровью?

Знал ведь...

Предаваться самоуничтожению, оставаясь в зоне опасности, — занятие довольно бессмысленное, и я честил себя на все корки лишь потому, что моему продвижению это в общем не мешало, а поддерживать здоровую злость, наоборот, помогало. Мешала не ругань — мешал ландшафт. Перед каждым шагом я тщательно выбирал, куда поставить ногу, затем ступал, переносил на нее тяжесть, и мокрый насквозь валежник не хрустел, а пищал под моим весом. Под ним булькало и пузырилось. Я пробирался вдоль упавших мертвых стволов, покрытых такой скользкой слизью, что пройти по ним не рискнул бы и самый отчаянный эквилибрист, я обходил ямы и завалы и в целом приближался к берегу леса-водоема. Правда, очень уж медленно приближался...

Помощь не шла. Обыкновенный разгильдяй почему-то воображает, что окружающие его люди уж никак не разгильдяи, а потому его непременно выручат вопреки всякой логике... Прошел час, и я окончательно уверился: помощь не придет, никто не заметил сигнальную ракету, и рассчитывать мне придется только на себя. Из этого умозаключения я сделал вывод: знаешь, Стас, ты, конечно, разгильдяй, но разгильдяй необыкновенный. Премиум-класса.

Мысль не грела.

Пот щипал глаза не хуже мыла. Очень хотелось пить. Дважды я зачерпывал горстью тухлую соленую воду и обтирал ею лицо. В третий раз едва успел отдернуть руку — из бочажка к ней метнулась голая пятнистая зверюга с алчно разинутой пастью, усаженной ненормальным количеством мелких зубов. Одна из тех тварей, которые «ни рыба ни мясо», сдуру вздумала обогатить мною свой рацион. Я шуганул ее, с неудовольствием подумав, что было бы, повисни она у меня на руке, как бульдог. Пришлось бы колотить земноводной тварью о ближайшее дерево, деликатно намекая, что человек ей не по зубам, так что пора бы тритону-переростку включить мозг — уж какой есть — и разжать челюсти... Вот уж всю жизнь мечтал вправлять мозги тритонам!

Шаг... Еще шаг...

Сказать по правде, я изрядно устал, только не хотел себе в этом признаться. Ошибки в общем направлении движения быть не могло, но сколько я уже прошел? Вряд ли более километра. Значит, до твердой почвы осталось как минимум столько же. Если бы я еще мог двигаться по прямой! Но нет — то и дело приходилось забираться то вправо, то влево, обходя совсем уж ненадежные места, и дважды я возвращался, упершись в лагуну. Скрипя зубами, что, по правде говоря, мало помогало делу.

Добраться до сухой безжизненной земли, прежде чем меня застигнет прилив, — вот и все, чего я хотел. Неужели это так много?

Прилив, кажется, уже начинался — пока очень медленно, как это обычно и бывает. Потом вода начнет подниматься гораздо быстрее. Подлая луна гнала с моря водяной горб, не желая считаться с моими намерениями. Наверное, она ждала, когда намерения превратятся в жаркие молитвы и жалкие мольбы, чтобы вволю потешиться над ними.

Я заскрипел зубами и надал, если можно так выразиться. Какое-то время я умудрялся держать фантастическую скорость не менее полутора километров в час, и мне казалось, что вон за той группой древовидных хвощей уже желтеют сложенные твердым песчаником скалы... берег...

А потом я поскользнулся.

Надо было сразу падать — тогда, наверное, я остался бы цел. Но я замахал руками и постарался восстановить равновесие — точнее, это сделал мой мозжечок или, может быть, спинной мозг, а уровень мыслительных способностей того и другого человеческого органа хорошо известен. Треск и хлюпанье под ногами, последние судорожные попытки за что-нибудь ухватиться, острая ослепляющая боль...

Когда я пришел в себя, то сразу понял: дела плохи. Я лежал в теплой тухлой воде посреди все того же осклизлого бурелома, правая голень застряла между двумя лежащими мертвыми стволами и искривилась так, словно там был еще один сустав. Перелом обеих берцовых, ясное дело. Хорошо еще, что вроде бы закрытый...

Я попробовал вытащить ногу и едва не потерял сознание от боли. Накатила чернота, но все же рассеялась понемногу. Тогда я попытался сесть, что получилось не сразу, и, бережно придерживая ногу обеими руками, умудрился извлечь ее из плена. Шина... Шина на голень... Нужны две недлинные ровные палки и чем примотать...

Куда только девалась духота? Меня колотил озноб. Палки я нашел, достал из аварийного комплекта нож и кое-как довел их до ума. Разрезал штанину на полоски. Медленно, с темнотой в глазах и разными словами, выпрямил голень и худо-бедно сумел наложить шину.

Н-да, это-то я сумел. Суметь бы еще добраться до сухого места...

При одной только мысли передвигаться на своих двоих озноб усилился. Нет у меня больше тех двоих — осталась одна. Здесь не поскачешь на одной ножке и не будет толку от самодельного костыля. Ползти?

Да, ползти. А когда прилив затопит весь этот осклизлый валежник — плыть.

Чуть только осознаешь, что выбора нет, голова как-то очищается. Я пополз. Наука в общем нехитрая: перевалиться через один ствол, потом через другой, далее по грязи на брюхе... Мелкие и не очень мелкие многоножки не слишком проворно разбегались от меня во все стороны, одни прятались, а другие, отбежав, принимали угрожающие позы. Одна куснула. Из бочага тупо тарасилась на меня голая плоскоголовая тварь, схожая с земным доисторическим лабиринтодонтом, и, должно быть, прикидывала зачаточным мозгом, опасен ли я или, наоборот, гожусь в пищу. Крупный паук свалился прямо на голову и немедленно тяпнул за шею. У членистоногих было еще меньше ума, чем у рептилий. Они просто хотели жрать. Местную ли пищу, земную ли — без разницы.

Они почему-то вообразили, что я идеально подхожу для решения этой проблемы.

Страхнув паука и еще какую-то гадость, пытающуюся заползти мне за шиворот, я отполз подальше от развесистого дерева, откуда на меня могли пикировать любители кусаться, поднял голову и в очередной раз огляделся. Вода уже заметно прибывала, а до края леса — или, вернее, до берега — оставался еще порядочный кусок пути. Озноб, что удивительно, не прекращался. Я счел это дурным признаком.

Одно радовало: направление я не потерял. Дурная это привычка — терять направление, особенно если имеешь компас в кармане и солнце в небе.

Интересно, подумал я, когда меня хватятся? Очень может быть, что не раньше вечера. За это время вполне можно отбросить копыта или копыта — словом, все, что в таких случаях отбрасывают.

Кое-как одолев еще метров сорок, я решил передохнуть. Ползти было уже поздно, плыть — рано, а набраться сил перед решающим и последним, как мне думалось, рывком — самое время.

Озноб внезапно сменился таким жаром, что удивительно, как это мои уши не свернулись в трубочку и не захрустели. Сердце, по-моему, вообще остановилось. Продолжалось это недолго, наверное, секунд десять, но за это время я приблизительно понял, что чувствуют люди, когда умирают. Мне не понравилось. И сразу, без предупреждения, кто-то вновь сунул меня в криогенную установку.

Лихорадка. Самая обыкновенная. Но что-то очень быстро.

И я не сказал бы, что очень вовремя.

Я проглотил тонизирующую таблетку. Подумал — и принял еще одну. Лучше мне не стало, но если организм хоть на время перестанет расклеиваться — уже хорошо. Вода поднималась, затапливая первобытный лес. Она и пахла теперь так, как положено пахнуть морской воде, загнанной в мелкую теплую лагуну: солью, водорослями и лишь немного тухлой гнилью. Море без всяких затей показывало, кто здесь главный.

Когда вода поднялась настолько, что риск распороть себе живот о какой-нибудь торчащий сук сильно уменьшился, я поплыл. Лес медленно тонул, пауки и многоножки спасались на деревьях, а по воде там и сям пробегала рябь — надо полагать, амфибии бросили отсиживаться в укромных местах и принялись охотиться. Ко мне они не приближались. Доплыву! Я твердо верил в это. Четыре километра по твердой почве уже казались мне большей проблемой, чем этот сравнительно небольшой заплыв.

Большинство людей вообще склонно предаваться розовым иллюзиям. Они приятны, а кто же не любит приятное?

Прошло какое-то время, и я начал уставать. Не очень-то легко плыть, когда одна нога не действует да еще отзывается болью при каждом движении.

Мертвую древесину затопило повсеместно, из воды торчали лишь зеленые стволы древовидных хвощей и плаунов, а за ними уже желтел и круто поднимался вверх берег. Доплыву, уже гораздо увереннее подумал я. Найду промоину и вскарабкаюсь. Сил мало, но на это хватит...

Откуда-то пришла волна, меня качнуло. Полуметровый зеленый тритон вдруг выскочил из воды как ошпаренный и, запрыгнув на наклонный ствол, шустро замельтешил лапками, торопясь забраться повыше. Тритону отчаянно не хотелось быть съеденным.

Мне тоже. И когда, оглянувшись назад между двумя взмахами, я увидел, что под поверхностью мутной воды ко мне целеустремленно движется нечто большое, я не стал тратить время на осмысление, что бы это могло быть, а равно и на бестолковую суету, способную лишь взбаламутить воду. Я рванул вперед со всей скоростью, на какую только был способен, умудряясь даже подгребать сломанной конечностью. Боль в ноге сразу перестала беспокоить меня, что и неудивительно: ко мне приближался куда больший предмет для беспокойства.

Рыба из океана? Возможно. Здоровенная такая рыбина, метров пяти в длину, то ли еще панцирная, то ли уже костистая, явилась в прилив перекусить недоделанными земноводными, прячущимися от нее в поросших девонским лесом лагунах, явилась — и обнаружила меня. Более продвинутый хищник начал бы кружить возле незнакомой добычи, прикидывая, стоит ли нападать, — но эта примитивная тварь видела перед собою лишь пищу.

Это я-то пища?

Нечего и говорить, что у меня было другое мнение на этот счет!

Самообладания я не потерял, у меня вообще крепкая психика, поэтому сразу решил: деревья — по боку. На дереве мне не спастись хотя бы потому, что нипочем не забраться на скользкий ствол даже со здоровой ногой, не говоря уже о сломанной. Я сразу устремился к куче мертвых стволов, вынесенных сюда, наверное, потопом после хорошего ливня. И знаете — я успел! Причем даже не в последнюю секунду.

В предпоследнюю. Себя-то я выдернул из воды на хаос мертвой древесины одним могучим рывком, какой даже не буду пытаться повторить, а ногу не уберег. Стукнувшись обо что-то, она взорвалась такой адской вспышкой боли, что на секунду я потерял сознание. А когда тьма перед глазами рассеялась, понял: ничего еще не кончено.

Тварь лезла из воды за мной.

Огромная плоская голова, широченная пасть, мокрая бурая кожа с глянцевым отсветом, два выпученных глаза... Конечно, это была не рыба. На меня охотилось такое же земноводное, какие водились здесь в изобилии,

но гораздо больших размеров. Этаким царь здешнего леса-водоема, пожирающий своих мелких собратьев во время прилива и отдыхающий в отлив где-нибудь под корягой за невозможностью двигаться... Я поразился, какие у него тонкие и слабые лапы. Достаточно быстрое в водной среде, чудовище переваливалось через первый ствол натужно, как параличное. Задние лапы и хвост все еще находились в воде. У меня появился шанс.

Эх, если бы не нога!..

Весь заляпанный зеленой слизью, я отползал и отползал. Накидайте кучу бревен, полйте ее гелем для душа — и вы поймете, сколь медленно я полз. Тварь двигалась ничуть не быстрее, но я понимал: как только она стонит меня с этой кучи, я труп. Проглоченный и переваренный труп.

Тварь разинула пасть, оказавшуюся едва ли не шире морды, и испустила крик. Самый искусный звукоподражатель не сумел бы воспроизвести эту смесь кваканья, рычания и писка. Я даже не сообразил, что охотники так не кричат...

В следующее мгновение кто-то дернул тварь за хвост с такой силой, что она наполовину съехала в воду. Захлопнула пасть, замотала башкой, заелозила — но куда там! Не ее слабым лапам было сопротивляться тому локомотиву, что тянул ее назад, в воду. Тварь корчилась, извивалась, выражала извечный протест жертвы, угодившей на зуб более крупному хищнику, и лишь глаза ее оставались такими же бессмысленными, какими были до перемены ролей. Затем последовал новый мощный рывок, и тварь исчезла, обрушив крайнее бревно, а вода возле моего убежища взбурлила. На поверхности показался очень солидных размеров плавник. Ага, понятно... Местный тритон-переросток не был здесь гегемоном, царем и вершиной пищевой пирамиды — на эту роль, как я и думал, вполне успешно претендовали огромные рыбы, терроризирующие в прилив обитателей леса-водоема. Что ж, знай, тритон, свое место в пищевой цепи...

Рыба меня спасла — так на моем месте решил бы стопроцентный оптимист, а я подумал: она дала мне время. Даже не столько мне, сколько моим товарищам и коллегам. Должны же они рано или поздно хватиться, что меня нет подозрительно долго!

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я впал в забытие. Может, час, может, больше. Все сильнее болела проклятая нога. Я лежал наполовину в воде, наполовину на мертвой древесине, найдя такое положение тела, чтобы не утонуть, если отключится сознание. Рыба, сожравшая тритона-переростка, уплыла по своим рыбьим делам. Прямой опасности вроде не наблюдалось, но соваться в воду все равно не стоило.

Я думал о многом: о Реплике, которой суждено быть поджаренной, о нашей экспедиции, о том, что мы наконец закончим работу и вряд ли сюда вернемся... Кислородных миров, где кишмя кишит жизнь, крайне мало только в процентном отношении, а в абсолютных цифрах их в Галактике более чем достаточно. Я вспоминал, как Веня Фейгенбойм, крутя свою козлиную эспаньолку (когда-нибудь он ее оторвет), сказал мне: «Знаешь, Стас, это ясно даже дебилу: Реплике нужны не ксенозоологи, а палеонтологи. Вот эта тварь, которую я нескромно назвал в свою честь, — почти наша, земная, девонская вентастега. Ну, у моей лишняя пара ребер — вот и все отличие. Понимаешь, Стас, мне скучно здесь!»

Я знаю, когда он перестанет скучать: когда найдет животное, у которого ноги растут из спины, живот помещается в голове, и в том животе три печени и четырнадцать желудков. Вот тогда он будет счастлив. Ему, видите ли, скучно здесь. А мне? Гм, как-то не думал об этом раньше. Ну да, на Реплике я нашел и описал новый минерал, каких нет на Земле, внес вклад в науку... Опять-таки интересно было поначалу, глаза разбегались... А по большому счету?

Зарабатываю деньги, занимаясь тем, чему меня учили, не замахиываясь на великое, — вот как оно выглядит в действительности. И только.

Хреново это, если хорошенько подумать. Но большинство людей живет именно так, а разве есть во мне силы оставаться в гордом меньшинстве? Никогда их не было, мечты только, да и то не настойчивые, а от случая к случаю, под настроение...

Шевелились и еще какие-то мысли, однако они были прерваны, потому что в глазах вдруг стало темно. «Умираю?» — подумал я, успев еще удивиться тому, что это, оказывается, вовсе не страшно, а всего лишь грустно, — и отключился.

Включившись вновь, увидел над собой тускло светящийся потолок корабельного медотсека и физиономию Вени Фейгенбойма с зажатой по обыкновению в кулаке эспаньолкой. Физиономия была озабоченная.

— Слышишь меня? — проговорил Веня таким голосом, каким говорят с детьми и умалишенными. — Моргни, если слышишь. — Я поморгал, и он расцвел. — Ну, все путем, все замечательно, теперь ты пойдешь на поправку...

Секунду-другую я размышлял о том, как в туземном лесу-водоеме, набитом примитивными земноводными и доисторическими акулами, оказались медотсек и Веня, кто и зачем их сюда приволок. Затем все-таки сообразил, где я нахожусь и как все было.

Натурально, меня нашли, а найдя — доставили в медотсек корабля, где всяким травматикам и место. Тела я не чувствовал — следовательно, был помещен в ванну с гелем-регенератором. Скосив глаза, я убедился, что так

оно и есть. В гелевой ванне никогда не ощущаешь своего тела, я это уже проходил. Голова, естественно, помещается над слоем геля и фиксируется, чтобы врачуемый не захлебнулся, если он в отключке или ему приспичит поспать.

— Со мной... серьезно? — не без труда высипел я.

— Не очень. — Я знал, что Веня врать мне не станет. — Но сутки пролежишь как миленький. Кстати, где «бабочка»?

— Взорвалась. Аккумулятор.

— Да ну? — Веня выпучил глаза и даже перестал жамкать в кулаке эспаньолку. — Слушай, я чувствую себя негодяем...

— Перестань... Ты не мог знать.

— Мог, не мог — все равно. Это я должен был лететь, а не ты.

— Тебя там только не хватало... — Я представил себе, как долговязый и сутулый Веня Фейгенбойм, совсем не гимнаст и очень скверный пловец, выжил бы там, где сумел выжить я, и тут же мне пришлось представить сцену символических похорон с траурными речами возле топорно вытесанного из песчаника надгробия над пустой могилой. Останков бы не нашли. — Как твоя лихорадка?

— Прошла. Не поверишь, совсем прошла. Слабаки эти местные бактерии. — Веня заулыбался. — Если по-честному, еще бы часика три — и я вполне мог бы лететь.

— Ладно, я помню, что сам напросился, — проворчал я. Язык во рту уже не лежал студнем, а шевелился нормально, и слова давались мне без проблем. — Какие еще новости?

— Симпсон всем шею намылила, а Дювивье в особенности, — сказал Веня. — Он нынче дежурный по лагерю. Говорит, что слышал твою ракету, но принял за отдаленный гром и не придавал значения. То ли возился со своей почвенной фауной, то ли обед переваривал. Клянется, что все время был на связи и если бы что, так он бы сразу... Откуда ему было знать, что твоя «бабочка» взорвется. Террористов, мол, здесь нет. Ну, Этель ему и выда-ла. Ротозей, говорит, хуже террориста. И три дежурства ему вне очереди. Дювивье, по-моему, обиделся.

— Считаю, что я тоже обиделся, — сказал я. — Три дежурства — мало. Гром ему... В это время года — гроза?

— Ну, ты у нас экстремист, ты бы его вообще расстрелял... Учти, он еще извиняться к тебе придет. Парень он хороший, переживает. Успокой его, ладно?

— Посмотрим...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Разгильдяй премиум-класса.....	4
Глава 2. Белая чайка, черный человек	18
Глава 3. Чемпион среди феноменов	32
Глава 4. Кандидаты	47
Глава 5. Переводчик с никакого	63
Глава 6. Страшно быть богом	77
Глава 7. Кто, если не ты?.....	91
Глава 8. Тревога!.....	105
Глава 9. Ты опасен, Стас!	119
Глава 10. Прыжок веры.....	135
Глава 11. Поводырь для хомячка	150
Глава 12. Полубог на воле.....	168
Глава 13. Поводырь для зрячего.....	183
Глава 14. Таблетка	199
Глава 15. Люди как боги	215
Глава 16. Бунт пауков	227
Глава 17. Привратники Ореола	242